

Дмитрий Марр

С возвращением

Звездочет 4

С возвращением

18+

Дмитрий Марр

Звездочет 4. С возвращением

«Автор»

2026

Март Д.

Звездочет 4. С возвращением / Д. Март — «Автор», 2026

После девяти месяцев комы следователь Михаил Россинский возвращается к жизни. Но теперь его мозг работает иначе — на 23% быстрее обычного человека. В городе происходит серия загадочных преступлений: в Москве-реке находят части человеческих тел, а на местах преступлений обнаруживают странный символ — полумесяц. Россинский понимает — он имеет дело с опасным серийным убийцей, который методично собирает свою жуткую коллекцию. Но главное — за этими преступлениями маячит тень Звездочёта, таинственного противника Россинского, способного манипулировать сознанием людей. Сможет ли следователь, чей мозг теперь работает на пределе возможностей, остановить убийцу прежде, чем тот нанесёт новый удар? И какую роль во всём этом играет загадочный Звездочёт?

© Март Д., 2026

© Автор, 2026

Дмитрий Марр

Звездочет 4. С возвращением

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ: «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ»

ГЛАВА 1. ТИШИНА И СНЕГ

Тишина была не пустой. Она была плотной, слоистой, как слежавшийся снег за окном. Михаил слышал, как в ней живут и движутся десятки звуков: мерное попискивание прибора слева, следящего за пульсом; бульканье капельницы, отсчитывающей секунды жидкими ударами; далёкий, приглушённый стенами голос медсестры на посту — она кому-то говорила «нет, без направления нельзя»; шорох шин по снегу где-то далеко внизу, на пандусе приёмного покоя. Москва была там, за тройным стеклопакетом, — огромная, декабрьская, засыпанная серой крупой с неба. Москва жила. А он лежал.

Он лежал и не мог пошевелиться.

Пальцы правой руки были чужими. Он смотрел на них — бледные, с синими ногтями, исхудавшие, — и приказывал им согнуться. Просто согнуться. Указательный, средний — кто угодно. Дайте мне хоть один. Пальцы лежали неподвижно. Он чувствовал кожей прохладу простыни, но пошевелить ими не мог. Сигнал шёл из головы, разбивался где-то в районе шейных позвонков и гас, не долетев до мышц.

Михаил перевёл взгляд на потолок. Белый. Трещина в углу, наискосок, — старая, крашеная, но всё равно заметная. Он изучил эту трещину за те дни, что был в сознании. Дни? Или недели? Он не знал точно. Время в больнице текло иначе — оно то растягивалось, то сжималось, то исчезало совсем, когда его накачивали препаратами, и он проваливался в чёрную, лишённую снов пустоту.

Снов не было. Это пугало.

Там, откуда он вернулся, были сны. Или не сны. Он до сих пор не знал, как это называть. Мир «между» — так он окрестил это для себя. Девять месяцев и девять дней в пространстве, которого нет. Дорога. Человек, назвавшийся отцом. Звездочёт, пришедший к нему в палату, — или не в палату, а туда, в тот мир, где не было стен, но были голоса. «Ты мне нужен. Живой. В сознании. Способный продолжать». Эти слова врезались в память, как та трещина в потолке: криво, глубоко, навсегда.

Сейчас он был живой. В сознании. Способный продолжать — под вопросом.

Дверь открылась без скрипа. Смазанные петли, хорошая больница. Он скосил глаза.

— Доброе утро, Михаил Дмитриевич.

Врач была новой. Не та, что вчера, и не та, что позавчера. Он их уже различал по шагам. Эта ступала увереннее, твёрже, каблук невысокий, но чёткий — тук-тук-тук, — как метроном. Белый халат, тёмные волосы собраны в низкий пучок, очки в тонкой оправе. На вид — около

тридцати. В руках — планшет, но она не уткнулась в него, как другие, а смотрела прямо на Михаила. В глаза. Не в карту, не на монитор — в глаза.

— Меня зовут Мария. Я ваш новый лечащий врач. Невролог.

Он смотрел на неё и молчал. Губы не слушались. Он мог их едва разлепить, но звук выходил смазанный, как сквозь вату. Он ненавидел это.

— Вы меня слышите. Это хорошо. — Она подошла ближе, проверила капельницу, бросила взгляд на монитор. — Моргните два раза, если понимаете, о чём я говорю.

Он моргнул два раза. Медленно, нарочито.

— Отлично. — В её голосе не было ни жалости, ни фальшивого оптимизма. Сухо, деловито. — Вы провели в коме девять месяцев и девять дней. Сейчас вы в отделении нейрореабилитации. У вас паралич, но это временно. Мозг цел. Мышечная атрофия — ожидаемая. Восстановление будет долгим.

Пауза. Она смотрела на него, как будто ждала реакции. Какой реакции? Заплакать? Заорать? Он бы заорал, если бы мог. Но он не мог. И от этого в груди поднималась тихая, глухая злость. Не горячая, как раньше, — та, что заставляла его бить кулаком по стене, — а холодная, сжатая в точку где-то за грудиной.

— Я знаю, о чём вы думаете, — сказала Мария спокойно. — Вы думаете, что я сейчас начну вас жалеть. Не начну. Мне нужна ваша голова. Ваш мозг, Михаил Дмитриевич, — он в порядке. И судя по вашей истории, вы умеете думать. Вот и думайте. Это лучшее, что вы можете сейчас делать. Остальное сделаем мы.

Он смотрел на неё. Что-то в её словах зацепило. Не содержание — он и сам это понимал. А интонация. Она говорила с ним как с равным. Не как с овощем, прикованным к койке. Как с человеком, у которого работают мозги.

Она протянула руку к его лицу — и он дёрнулся. Внутренне. Мышцы не слушались, но внутри всё сжалось. Она заметила. Остановила руку.

— Я не сделаю вам больно. Я просто хочу проверить реакцию зрачков. Можно?

Он моргнул один раз. Нет.

Она убрала руку.

— Хорошо. Не буду. — И впервые за всё время улыбнулась. Уголками губ, едва заметно. — У вас характер. Это плюс.

Она отошла к окну, поправила штору — серая муть с улицы стала чуть ярче, — и обернулась.

— Вас навещают. Полковник Громов, следователи. Они спрашивают, можно ли. Я сказала — пока нет. Вам нужен покой. Но... — Она помедлила. — Если вы хотите их видеть, моргните два раза.

Он не моргнул. Он смотрел на неё.

— Я так и думала. — Она кивнула. — Вы не хотите, чтобы они видели вас таким. Это нормально. Но вы зря. Они приходят каждый день.

Она направилась к двери.

— Я зайду через час. Думайте, Михаил Дмитриевич. Это ваша работа.

Дверь закрылась. Тишина вернулась, но теперь она была другой. Не плотной — настоящей.

Он перевёл взгляд на окно. Снег шёл уже не крупой, а лёгкими, почти невесомыми хлопьями. Декабрь. Или уже январь? Он не знал. Девять месяцев и девять дней — если от конца третьей книги, от того момента, как он рухнул на пол в Духовском переулке... Он попытался посчитать. Декабрь. Да, декабрь.

Девять месяцев. Отец был с ним всё это время. Или не отец — проекция, призрак, голос в голове? Теперь этого голоса не было. Михаил попытался позвать его — мысленно, как раньше. Отец? Тишина. Не та, что в палате, — другая. Глубинная. Там, где раньше звучал знакомый голос, теперь было пусто.

Отец остался там. В мире «между». Он пожертвовал собой — чем бы он ни был, — чтобы Михаил вернулся.

Михаил закрыл глаза. Открыл. Снова уставился в потолок.

Трещина на месте. Всё та же.

В дверь постучали. Не вошли — именно постучали. Коротко, два раза. Он скосил глаза. Дверь приоткрылась, и в щель просунулась голова.

Бабочкин.

Пётр выглядел так, будто не спал неделю. Мешки под глазами, щетина, воротник куртки торчит из-под больничного халата — видимо, не успел переодеться. Он смотрел на Михаила, и на лице его была та самая неловкая, осторожная гримаса, которую Михаил ненавидел больше всего.

— Мих... Михаил Дмитриевич. — Пётр замялся в дверях, не решаясь войти. — Я... Можно?

Михаил смотрел на него. Моргать два раза? Нет. Он просто смотрел.

Пётр истолковал это по-своему. Вошёл. Осторожно, почти на цыпочках, как будто мог провалиться. В руках — пакет. Поставил на тумбочку.

— Тут... это... чай. Зелёный. Твой любимый. Ну, который ты всегда пьёшь. — Он говорил быстро, сбивчиво, не зная, куда деть руки. — Термос тоже принёс. Хороший, нержавейка. Мы с Надей скинулись. Громов тоже добавил...

Он осёкся. Встретился взглядом с Михаилом. И замолчал.

Михаил смотрел на пакет. Зелёный чай. Термос. Это было... неожиданно. Но мысли его были далеко. Не в этой палате. Не в этом разговоре.

Он помнил поезд.

Помнил удар. Помнил, как вагон слетел с рельсов и мир перевернулся — железо, стекло, крики, — а потом наступила темнота. Та самая, из которой он выбрался только сейчас, девять месяцев спустя.

В один из прошлых дней — когда Громов сидел у его кровати и просматривал сводки — он уже спрашивал. Слова тогда давались ещё труднее, но он выдавил:

— Поезд... Те люди... Сколько?

Громов тогда отложил бумаги. Посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Сорок семь человек. Все, у кого была звезда на лбу. Все погибли.

— От удара?

— Не совсем. — Громов помедлил. — Экспертиза показала: они все были накачаны каким-то веществом. Сложный химический коктейль. Он держал их в состоянии управляемого транса. Их мозг уже не принадлежал им. Если бы не авария — они бы всё равно умерли. Вещество убивало их медленно. У них оставалось от силы несколько часов. Поезд просто ускорил процесс.

— Остальные?

— Пассажиры? Почти не пострадали. Удивительно, но факт. Машинист сломал ногу и два ребра. Кто-то отделался синяками. Из обычных пассажиров — ни одного погибшего. Только эти сорок семь.

Михаил тогда закрыл глаза. Сорок семь. Сорок семь марионеток с вырезанными на лбу звёздами. Они ехали в том поезде не случайно. Их везли. Или они сами ехали — но не по своей воле. А он, Михаил, был там же. Звездочёт устроил это специально. Свёл их вместе. Столкнул. Устроил бойню. И рассчитал так, чтобы погибли только они — и никто больше. Как будто удар пришёлся ровно в ту секцию вагона, где они сидели. Физически почти невозможно. Но это случилось.

Громов сказал тогда: «Ты не должен винить себя».

Михаил не ответил. Он знал, что вина здесь ни при чём. Звездочёту не нужна была его вина. Ему нужно было, чтобы Михаил запомнил. Чтобы проснулся с этим грузом. Чтобы у него была причина жить. Причина продолжать охоту.

Сорок семь имён. Он внесёт их в свой список. В тот самый, что лежит в убежище на Духовском. Список жертв Звездочёта. Он пополнится на сорок семь строк.

— Ты это... — Пётр сглотнул. — Ты не думай, мы там всё держим. На Хавской. Всё в порядке. Громов сказал — как поправишься, сразу дело даст. Серьёзное. Но ты не торопись, ладно? Ты лежи. Восстанавливайся. А мы подождём.

Он говорил с ним как с ребёнком. Как с больным. Михаил почувствовал, как злость в груди сжимается ещё туже. Холодная точка стала горячей. Зажглась.

Он разлепил губы. Это стоило усилий — таких, будто он поднимал штангу. Воздух вышел с хрипом. Язык не слушался. Но он заставил его.

— Хва... тит...

Пётр замер. Уставился на него.

— Что?

— Хватит... — Михаил выталкивал звуки по одному. Губы дрожали от напряжения. — Со мной... как с... покойником.

Тишина. Пётр стоял с открытым ртом. Потом — неожиданно — ухмыльнулся. Криво, с облегчением.

— Живой, — сказал он. — Точно живой.

И впервые за этот разговор в его голосе не было жалости.

Снег за окном всё шёл. Часовая стрелка на больничных часах ползла к полудню. Пётр ушёл, пообещав прийти завтра, — теперь уже не на цыпочках, а обычным шагом, почти грохоча ботинками. Михаил смотрел ему вслед и думал о том, что зря сорвался. Нет, не зря. Правильно. Но теперь в груди вместо злости была пустота.

Он перевёл взгляд на пакет на тумбочке. Чай. Термос. Надя, Пётр, Громов — скинулись. Он представил, как они обсуждали это: «Что принести Михаилу Дмитриевичу?» — «Да он кроме чая ничего не пьёт». — «Тогда термос». — «Хороший». Странно. От этой мысли стало теплее. Не в груди — где-то в животе. Давно забытое чувство.

Он снова попытался пошевелить пальцами. Указательный. Просто указательный.

Ничего.

Но на этот раз он не разозлился. Он просто продолжил смотреть на свою руку и приказывать ей двигаться. Он будет делать это каждый день. Каждый час. Каждую минуту, если понадобится.

Он вернулся. Он живой. В сознании. И он будет способен продолжать. Даже если для этого придётся заново учиться всему.

За окном, далеко внизу, взвыла сирена скорой помощи. Москва звала. Москва ждала.

Мария вернулась через час. Ровно через час — он оценил пунктуальность. В руках у неё, кроме планшета, была газета. Обычная, бумажная. «Вечерняя Москва».

Она положила её ему на колени. Поверх одеяла.

— Читать пока не можете. Глазами водить — можете. Там, на третьей полосе, заметка. Про ограбление на юго-западе. Глухое дело, пишут. Я хочу, чтобы вы прочитали и подумали, кто мог это сделать и как. Когда сможете говорить, расскажете.

Он перевёл взгляд с неё на газету, потом обратно.

— Это часть реабилитации?

— Это часть того, что вы не сойдёте с ума от безделья. — Она поправила очки. — Ваш мозг привык работать. Если вы лишите его нагрузки, он начнёт пожирать сам себя. Я не хочу потом лечить вас от депрессии. Лучше пусть ловит преступников. Даже лёжа.

Она сказала это буднично, как о погоде. Но Михаил вдруг понял: она знает, кто он. Следователь. Она навела справки. И вместо того чтобы запретить ему напрягаться — как сделал бы любой другой врач, — она подкинула ему задачу.

— Я не говорю, что вы должны раскрыть дело по газетной заметке. Просто думайте. Анализируйте. Это ваш тренажёр.

Он посмотрел на газету. Заголовок на третьей полосе: «Дерзкое ограбление в Черёмушках: преступник не оставил следов».

Он перевёл взгляд на неё. И медленно, с усилием, разлепил губы:

— Вы... странный... врач.

Она улыбнулась — на этот раз шире.

— Я знаю.

И вышла.

Михаил остался один. В палате было тихо. Снег за окном перестал. Сквозь облака пробился слабый, почти невесомый свет.

Он посмотрел на свою руку. Пальцы лежали неподвижно. Но теперь он знал, чем займёт свой мозг, пока они не начнут слушаться.

Он снова взглянул на газету. Третья полоса. «Дерзкое ограбление...»

И начал читать.

ГЛАВА 2. ПАЛЬЦЫ

На третий день он пошевелил указательным пальцем.

Это случилось утром. Серый, мутный рассвет едва пробивался сквозь заиндевевшее окно. Михаил лежал и смотрел на свою правую руку — как делал каждое утро с того момента, как пришёл в себя. Приказывал. Требовал. Уговаривал. И вдруг — палец дрогнул. Едва заметно. На миллиметр. Но он двинулся.

Михаил замер. Сердце — он слышал его на мониторе — ускорилося. Писк прибора стал чаще. Он заставил себя успокоиться. Не спугнуть. Снова сосредоточился. Приказал.

Палец согнулся.

Медленно, неуклюже, как новорождённый зверёк, пробующий лапы. Он согнулся в первом суставе. Потом вернулся обратно. Михаил смотрел на это — и чувствовал, как к горлу подступает ком. Не от радости. От ярости. Потому что этого было мало. Потому что он хотел встать и пойти, а не ползать на брюхе, как младенец.

Он согнул палец снова. И снова. И снова.

Когда через полчаса вошла Мария, он уже мог сгибать и разгибать его десять раз подряд. Лицо его было мокрым от пота. Губа закушена до крови. Но палец работал.

Мария остановилась в дверях. Посмотрела на его руку. На монитор. На его лицо. Подошла ближе. Взяла планшет, сделала пометку.

— Быстро, — сказала она спокойно. — Обычно на это уходит неделя.

— Я... не... обычный, — выдохнул он. Голос стал чуть чётче. Слова всё ещё давались с трудом, но он уже мог выговаривать фразы целиком, не разрывая их на отдельные слоги.

— Я заметила. — Она присела на край кровати — впервые позволила себе эту вольность. — Теперь не переусердствуйте. Мышцы помнят движение, но связки атрофированы. Если перегрузите — будет откат. Вы этого не хотите.

— Я хочу... встать.

— Встанете. — Она не сказала «потерпите» или «время нужно». Просто констатировала. — Но сначала — пальцы. Потом кисть. Потом локоть. Потом плечо. Вы строите дом. С фундамента. Пропустите этап — рухнет.

Он смотрел на неё. В ней было что-то успокаивающее. Не мягкостью — жёсткостью. Она не врала ему. Не обещала чуда. Говорила как есть.

— Газету... прочитал, — сказал он.

— И?

— Охранник... замешан. Следов нет, сигнализация... не сработала. Кто-то... отключил изнутри.

Мария подняла бровь.

— Это не было в статье.

— Я... сопоставил. Время... ограбления — три часа ночи. Охранник... сменился в два. Новый... не пришёл бы так быстро в курс дела. Значит... старый. Он знал... где камеры. Где... сигнализация.

Она помолчала. Потом кивнула:

— Я проверю в новостях. Если раскроют — скажу.

— Уже... раскрыли бы. Там... нет состава. Охранник... исчез. Его... убрали.

— Кто?

— Тот... кто заказал.

Мария смотрела на него долго. Потом убрала планшет в карман халата.

— Вы не просто следователь, да? Вы... одержимый.

— Есть... такое.

— Это диагноз, вообще-то. — Но она улыбнулась. — Ладно. Работайте пальцами. Я зайду вечером. Принесу ещё газет.

Она ушла. Михаил перевёл взгляд на свою руку. Согнул палец. Разогнул. Согнул. Разогнул.

Одержимый? Да. Пожалуй. Но эта одержимость была единственным, что держало его на плаву все эти годы. И сейчас — единственным, что вытащит его из этой койки.

К концу первой недели он шевелил всеми пальцами правой руки.

К концу второй — сжимал их в кулак. Слабо, без силы — но сжимал.

Мария приносила ему газеты каждый день. Иногда — распечатки из новостных лент. Происшествия. Нераскрытые дела. Странные случаи. Он читал — сначала глазами, потом, когда руки начали слушаться, держал бумагу сам. Дрожащие пальцы мяли страницы, но он не сдавался.

Ограбление в Черёмушках раскрыли через четыре дня после его догадки. Мария пришла и молча положила перед ним записку. «Задержан бывший охранник. Сообщник объявлен в розыск». Он прочитал. Кивнул. Ничего не сказал.

— Даже не скажете «я же говорил»?

— Зачем? Это... очевидно.

— Для вас — очевидно. Для следствия — неделя работы.

Он пожал плечами. Плечи уже слушались. Плохо, но слушались.

— У вас талант, — сказала Мария.

— У меня... тренировка.

— Это не тренируется. Это врождённое.

Он промолчал. Он знал, что это не врождённое. Это пришло оттуда. Из мира «между». Но объяснять ей это он не собирался.

На третью неделю пришёл Громов.

Михаил к тому времени уже сидел. Сам. Сначала — на подушках, с поддержкой. Потом — свесив ноги с кровати. Спина болела так, будто по ней проехали катком. Мышцы, забывшие, что такое вертикальное положение, протестовали каждым волокном. Но он сидел.

Громов вошёл без стука. По-хозяйски. Тяжёлое пальто с меховым воротником было припорошено снегом. Он стряхнул его прямо на пол — на больничный линолеум, — повесил на спинку стула и сел напротив Михаила. Большой, грузный, с вечно красным лицом и седым ёжиком волос. От него пахло морозом и табаком.

— Сидишь, — констатировал он вместо приветствия.

— Сiju, — подтвердил Михаил. Голос уже почти вернулся. Глуховатый, с хрипотцой, но больше не срывающийся на шёпот.

— Ходишь?

— Нет. Пока.

— Будешь.

Громов достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо лист. Протянул Михаилу. Тот взял — пальцы слушались, но бумагу пришлось прижать к колену, чтобы не выронить.

— Это не дело, — сказал Громов. — Это так. Для разминки. Пропавший человек. Три недели назад ушёл из дома и не вернулся. Муж, двое детей. Жена в истерике, написала заявление. Местные копают, но ты сам понимаешь.

Михаил развернул лист. Фотография. Мужчина лет сорока. Обычное лицо. Фамилия — Корнеев. Место работы — клининговая компания.

— Почему я?

— Потому что ты сгниёшь тут без дела. Мария твоя мне всё рассказала. Газеты, ограбления. Ты уже работаешь. Так работай.

— Она не моя.

— Конечно. — Громов хмыкнул. — Ну так что? Возьмёшься?

Михаил ещё раз посмотрел на фотографию. Пропавший человек. Никаких зацепок, кроме этой бумажки. Ни тел, ни улик. Просто человек вышел из дома и исчез.

— Данные по нему?

— Пётр скинет на почту. Ноутбук тебе привезёт. Дальше сам.

— А основное дело?

— Будет тебе основное. — Громов встал. Стул скрипнул. — Когда ноги будут ходить, а не просто дёргаться. Я тебя знаю. Ты на костылях поползёшь на место преступления и сдохнешь там от переутомления. Не хочу хоронить тебя второй раз.

Он направился к двери. У порога обернулся.

— Отец твой тоже был упрямый.

Михаил замер. Рука, державшая лист, дрогнула.

— Что?

Но Громов уже открыл дверь.

— Выздоровливай.

Дверь закрылась.

Михаил остался сидеть на кровати. Фотография пропавшего дрожала в его пальцах. Отец твой тоже был упрямый. Не «был упрямым». Не «говорят, твой отец». А «тоже». Как будто он знал. Знал лично.

Он прижал ладонь к груди. Туда, где — он помнил это смутно, как сквозь толщу воды — отец коснулся его в последний раз. Там не было шрама. Не было отметины. Только остаточное тепло, которое он никому не мог объяснить.

Громов знал его отца. Не по документам. Не по рассказам. Лично.

Михаил откинулся на подушки. Закрыв глаза. Мысли закрутились, выстраивая цепочку. Громов опекал его с самого начала. С того момента, как он, двадцатилетний мальчишка, впервые переступил порог отдела. Он думал, что это из-за его способностей. Из-за раскрытых дел. Но теперь...

Он открыл глаза. Посмотрел на фотографию пропавшего.

С этим он разберётся позже. Сначала — Корнеев. Пропавший муж, отец двоих детей. Кто-то ждёт его дома. Или не ждёт.

Он развернул лист и начал читать внимательно.

Надя пришла на следующий день.

Она вошла тихо. Не как Громов — без стука, по-хозяйски. Не как Пётр — с неловким топтанием. Она просто открыла дверь и остановилась на пороге. В руках — термос. Тот самый, нержавейка.

— Чай, — сказала она. — Зелёный. Заварила, как ты любишь.

— Проходи, — сказал он.

Она прошла. Села на стул, где вчера сидел Громов. Поставила термос на тумбочку. Посмотрела на Михаила — долго, внимательно. Он знал этот взгляд. Она оценивала его состояние. Не как врач — как напарник. Сможет ли он работать? Вернётся ли?

— Ты изменился, — сказала она наконец.

— Похудел.

— Не в этом дело. — Она покачала головой. — Ты как будто... видишь больше. Взгляд другой. Что с тобой там случилось?

Там. Она не сказала «в коме». Она сказала «там». Как будто знала, что это было не просто беспмятство. Михаил посмотрел на неё. Надя Горемыкина. Правая рука. Единственная, кто

читал его дневник. Единственная, кто сидел у его постели все эти месяцы — она призналась в этом ещё тогда, в третьей книге, когда он лежал без сознания. Она знала его лучше, чем кто-либо.

Но даже ей он не мог рассказать. Не сейчас.

— Ничего, — сказал он. — Просто долго спал. Выспался.

— Врёшь.

— Вру.

Она усмехнулась. Открыла термос. По палате поплыл запах зелёного чая — терпкий, чуть травянистый. Она налила в крышку-чашку, протянула ему.

— Держи. Пальцы-то удержат?

Он взял. Пальцы дрожали, но чашка не опрокинулась. Он сделал глоток. Чай был именно таким, как он любил: крепкий, без сахара, температура — чтобы обжигало, но не до волдырей. Надя помнила.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста.

Они помолчали. За окном шёл снег — уже не декабрьский, колючий, а какой-то мягкий, февральский. Свет за окном стал длиннее. Зима понемногу сдавала позиции, хотя холода ещё держались.

— Громов дал тебе пропавшего? — спросила Надя.

— Дал. Корнеев. Клининговая компания.

— Я смотрела это дело. Там глухо. Ушёл утром на работу, не дошёл. Телефон отключён. Труп не найден.

— Все так говорят. «Глухо». А потом выясняется, что не глухо. Просто не там копали.

— Ты уже что-то увидел?

Он отпил ещё чаю. Поставил чашку на тумбочку — осторожно, чтобы не расплескать.

— Жена написала заявление не сразу. Через три дня. Почему?

— Думала, загулял.

— Муж, двое детей. Клининговая компания — зарплата копеечная. Куда ему гулять? На что? — Михаил покачал головой. — Она что-то знает. Или боится.

— Думаешь, она причастна?

— Пока не знаю. Но первым делом я бы поговорил с ней. Только говорить я пока не могу.
— Он кивнул на свои ноги. — Не доберусь.

— Я могу съездить.

— Нет.

— Почему?

— Потому что ты будешь её жалеть. У неё двое детей. Муж пропал. Ты увидишь заплаканную женщину и включишь сочувствие. А мне нужно, чтобы её допросили. Не допросили — расспросили. По-умному. Так, чтобы она сама не поняла, что рассказала.

Надя помолчала.

— Ты стал жёстче, — сказала она.

— Я стал честнее.

— Это одно и то же?

— Иногда.

Она встала. Поправила термос на тумбочке — подвинула ближе, чтобы ему было удобно дотянуться.

— Я приеду завтра. Привезу сводки по твоему пропавшему. И ноутбук от Петра. Он боится к тебе идти после того раза.

— После какого раза?

— После того, как ты на него рыкнул. Что он с тобой как с покойником.

— Я не рыкнул. Я сказал «хватит».

— Для Петра это рык. Он чувствительный.

Михаил хмыкнул. Пётр Бабочкин — гений баз данных, мастер биллинга и камер. И при этом — человек, которого можно ранить словом. Странное сочетание.

— Передай ему: я не кусаюсь. Пока.

— Передам. — Она уже взялась за ручку двери. — Миша...

Он поднял глаза. Она назвала его по имени. Не «Михаил Дмитриевич». Просто Миша. Так она делала редко.

— Я рада, что ты вернулся.

И вышла прежде, чем он успел ответить.

Ночью он не спал.

Это была одна из тех ночей, когда сон не шёл, а мысли крутились по кругу, как заезженная пластинка. Пропавший Корнеев. Жена, которая тянула с заявлением. Громов, знавший отца. Надя, заметившая перемену в его взгляде. Мария с её газетами и странным методом реабилитации.

И — Звездочёт.

Он был где-то там. За стенами больницы. В городе. Михаил не знал, где именно, но чувствовал его присутствие, как чувствуют приближение грозы: воздух становился плотнее, небо — темнее. Звездочёт не появлялся. Не давал о себе знать. Но Михаил помнил его слова: «Ты мне нужен. Живой. В сознании. Способный продолжать».

Продолжать что?

Игру? Охоту? Их бесконечное противостояние, которое длилось уже четвертую книгу?

Он не знал. Но он знал, что Звездочёт не оставит его в покое. Не теперь. Не после того, что случилось в мире «между».

Отец пожертвовал собой. Звездочёт получил то, что хотел: Михаил вернулся. Живой. В сознании. И теперь он был здесь, в этой палате, и учился заново шевелить пальцами, в то время как где-то в Москве человек с выцарапанной звездой на лбу планировал следующий ход.

Михаил закрыл глаза. Прижал ладонь к груди. Тепло всё ещё было там — слабое, едва ощутимое, но живое. Отец не говорил с ним больше. Но он был здесь. Часть его осталась.

Он открыл глаза. Посмотрел на потолок. Трещина в углу. Всё та же.

Он найдёт Звездочёта. Не сейчас. Не завтра. Но он найдёт его. И тогда их игра выйдет на новый уровень.

А пока — пальцы. Кисть. Локоть. Плечо. Ноги.

Он будет строить этот дом. По кирпичику. С фундамента.

Потому что по-другому он не умел.

Утром он впервые встал на ноги.

Это случилось неожиданно. Мария зашла для обычного осмотра. Проверила рефлексы, заставила его согнуть-разогнуть ноги в коленях — колени уже слушались, хоть и со скрипом. А потом она вдруг сказала:

— Вставайте.

— Что?

— Вставайте. Хватит лежать.

— Я не...

— Сможете. Я помогу. Но только в первый раз. Дальше сами.

Она протянула ему руку. Он посмотрел на неё — на тонкие пальцы, на спокойное лицо, на очки, за которыми прятались внимательные глаза. И взял.

Подняться было адски больно. Ноги не держали. Мышцы, забывшие, что такое вес тела, взвыли в унисон. Он покачнулся, ухватился за её плечо — она была ниже его на голову, но устояла, даже не пошатнувшись. Он висел на ней, как мешок с костями, и ненавидел себя за эту слабость.

— Стоите, — сказала она. — Уже стоите.

Он стоял. Секунду. Две. Три. Ноги дрожали, колени подкашивались, но он стоял. Сам.

— А теперь — шаг.

— Не смогу.

— Сможете.

Он сделал шаг. Один. Маленький. Как ребёнок, который учится ходить. Потом второй. Потом ноги подкосились, и он рухнул бы, если бы она не подхватила его под локоть.

— Хватит на сегодня. — Она помогла ему сесть на кровать. — Но вы стояли. И шли. Это больше, чем вчера.

Он дышал тяжело. Пот заливал глаза. Грудь ходила ходуном. Но внутри — впервые за долгое время — он чувствовал не злость. Не ярость. Что-то другое.

Надежду.

— Спасибо, — выдохнул он.

— Это моя работа.

— Нет. — Он покачал головой. — Не только.

Она ничего не сказала. Только поправила очки и направилась к двери.

— Завтра встанете снова. И послезавтра. И через неделю пойдёте. А через две — выпишетесь.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вы торопитесь. — Она обернулась у двери. — И потому что у вас есть на кого злиться. Это отличный стимул.

Он не успел спросить, откуда она знает. Дверь уже закрылась.

Вечером он сидел на кровати, смотрел в окно и пил чай из термоса. Снег перестал. Над Москвой висело тёмное, почти чёрное небо — редкое для зимней ночи. Звёзд не было видно из-за облаков. Или из-за городской засветки.

Звёзды. Звездочёт.

Он сделал глоток. Чай был уже чуть тёплый, но всё равно вкусный.

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал он.

Вошел Пётр. С ноутбуком под мышкой. На лице — всё та же неловкая полуулыбка. Но на этот раз он не топтался на пороге. Прошёл. Положил ноутбук на тумбочку.

— Привёз. Там все данные по Корнееву. И ещё кое-что. Я тут покопался немного...

— Спасибо.

Пётр замер. Видимо, ожидал, что Михаил снова рыкнет.

— Садись, — сказал Михаил. — Рассказывай, что накопал.

Пётр сел. Осторожно, на край стула. Но глаза уже загорелись — те самые глаза, которые бывали у него, когда он находил зацепку.

— В общем, Корнеев. Клининговая компания «Чистый свет». Работает в основном с медицинскими учреждениями. Убирают больницы, поликлиники, морги. У него был допуск в шесть разных объектов. И вот что интересно: за два дня до исчезновения он брал больничный. Но на работу вышел. Жена говорит — ушёл как обычно. А по факту — он не дошёл до своего объекта. Вообще ни до какого.

— Откуда знаешь про объекты?

— Пробил по пропуску. Электронная система. Он не прикладывал карту ни на одном объекте в тот день. Вообще ни разу.

Михаил задумался. Человек вышел из дома, но на работу не пошёл. И пропал. И жена заявила только через три дня.

— Что ещё?

— Телефон выключен в девять утра. В районе Даниловского рынка. И больше не включался.

— Камеры?

— Смотрел. Там глухо. Рынок, толпа. Он просто исчез в потоке.

Михаил отпил чаю. Даниловский рынок. Это недалеко от Павелецкого вокзала. Рядом — куча медицинских учреждений. Морги. Больницы.

— Пётр, подними список всех медицинских объектов в радиусе километра от Даниловского рынка. Всех, где требуется клининг. И сравни с объектами «Чистого света». Если Корнеев там работал или мог работать — мне нужны все совпадения.

— Думаешь, он пошёл на другой объект? Неофициально?

— Думаю, он знал что-то, чего не должна была знать уборка. Или увидел. И исчез, потому что это «что-то» было опасным.

Пётр кивнул и открыл ноутбук. Пальцы забегали по клавиатуре — быстро, привычно.

— Сделаю, — сказал он. — Завтра будут результаты.

— Хорошо.

Михаил посмотрел в окно. Ночь висела над Москвой. Где-то там, в этой ночи, был ответ. И он найдёт его.

Он вернулся. Он живой. В сознании. И он способен продолжать.

ГЛАВА 3. ХОДЬБА

Через две недели он ходил.

Сначала — вдоль кровати, держась за спинку. Пять шагов туда, пять обратно. Ноги заплетались, как у пьяного. Колени предательски подгибались на каждом третьем шаге. На каждом четвёртом он ловил себя на мысли, что проще упасть и не вставать. Но он не падал. И вставал. Снова и снова.

Мария заставляла его проходить этот маршрут по десять раз в день. Сначала с её поддержкой, потом — держась за поручень, который установили вдоль стены по её настоянию. Она стояла рядом, скрестив руки на груди, и считала шаги. Не подбадривала. Не жалела. Считала.

— Семь. Восемь. Девять. Колено не заваливайте. Десять. Разворот. Медленно, вы не на параде. Обратно.

Он ненавидел её в эти минуты. Ненавидел её спокойный голос, её белый халат, её дурацкие очки. Ненавидел потому, что она была права. Потому что без неё он бы давно сдался или, наоборот, перегрузил себя до разрыва связок. Она держала его в узде, как норовистого коня, — не давала сорваться в галоп, но и не позволяла стоять на месте.

— На сегодня хватит, — сказала она, когда он в очередной раз доковылял до кровати и рухнул на неё, дыша как загнанный зверь. — Завтра попробуем коридор.

— Почему не сегодня?

— Потому что сегодня вы уже сделали на два подхода больше, чем я разрешала. — Она поправила очки. — Я же вижу, что вы меня не слушаетесь. Думаете, я не замечаю?

— Замечаете.

— Конечно. Я для того и училась.

Она присела на стул — тот самый, на котором сидели Громов, Надя и Пётр. Достала из кармана сложенный лист. Протянула ему.

— Это не газета. Это расшифровка МРТ. Вашего.

Он взял. Пробежал глазами. Медицинские термины, цифры, графики. Он мало что понимал в нейрофизиологии, но ключевую фразу выцепил сразу: «Активность коры головного мозга выше нормативных показателей на 23 процента». Он поднял глаза на Марию.

— Это много?

— Это аномалия. У вас гиперактивность зон, отвечающих за анализ, память и распознавание образов. Я не знаю, было ли это до комы, — предыдущих снимков в карте нет. Но сейчас это так.

— И что это значит?

— Это значит, что ваш мозг обрабатывает больше информации, чем обычный. Быстрее находит связи. Замечает детали, которые другие пропускают. — Она помолчала. — Вы говорили, что это тренировка. Я вам не верю.

Он отложил лист. Посмотрел на неё.

— Что вы хотите услышать?

— Правду.

— Правда в том, что я не знаю, — сказал он. И это было почти честно. — Я был в коме. Девять месяцев. Когда проснулся — стало вот так. Я не знаю, что со мной произошло. Но это работает. Я вижу. Анализирую. И это помогает.

— Помогает в чём?

— В работе.

— Вы сейчас не на работе. Вы в больнице.

— Я всегда на работе.

Она смотрела на него долго. Потом вздохнула и сняла очки — впервые при нём. Без них её лицо стало мягче, моложе. Глаза оказались серыми, с зеленоватым отливом. Она потёрла переносицу — жест усталого человека.

— Ладно, — сказала она. — Я не буду лезть в то, чего не понимаю. Но я буду наблюдать. Если эта гиперактивность начнёт вас пожирать — я вмешаюсь. Даже если вы будете против.

— Вы не сможете вмешаться.

— Смогу. Я ваш врач.

— Это не лечится таблетками.

— Я знаю. — Она надела очки. — Поэтому я и не выпиываю таблетки. Я выпиываю газеты. И пропавших людей. И задачи, которые заставляют ваш мозг работать в мирном русле, а не пожирать самого себя.

Она встала.

— Завтра коридор. В восемь утра. Не опаздывайте.

И вышла.

Михаил остался сидеть на кровати. Расшифровка МРТ лежала на одеяле. Двадцать три процента. Аномалия. Он не знал, радоваться этому или бояться. Но одно он знал точно: это пришло оттуда. Из мира «между». Это был дар — или проклятие, — оставленное отцом. Или Звездочётом. Или обоими.

На следующий день он вышел в коридор.

Это было сродни выходу в открытый космос. Больничный коридор — длинный, светлый, пахнувший хлоркой и лекарствами, — казался бесконечным. Стены были выкрашены в бледно-

зелёный, пол выложен серой плиткой. На стенах — плакаты о вреде курения и пользе диспансеризации. Каталки, кресла-коляски, пациенты в халатах, медсёстры со стопками белья.

Михаил сделал первый шаг. Второй. Третий. Ноги слушались. Плохо, но слушались. Мария шла рядом, но не поддерживала — просто была готова подхватить, если он начнёт падать.

— Не смотрите под ноги, — сказала она. — Смотрите вперёд. Тело само знает, как ходить. Вы ему мешаете, когда контролируете каждый шаг.

— Я привык контролировать.

— Я заметила.

Он шёл. Мимо палаты с приоткрытой дверью, откуда доносился храп. Мимо поста медсестры, где две девушки в белых шапочках пили чай и замолчали, увидев его. Мимо окна, за которым всё ещё лежал снег, но уже не декабрьский — февральский, ноздреватый, с тёмными проплешинами у обочин.

Он дошёл до конца коридора. Остановился. Дышал тяжело, но на ногах стоял.

— Разворот, — сказала Мария. — Обратно.

— Подождите.

Он смотрел в окно. Внизу, во дворе больницы, стояла машина скорой помощи. Белая с красной полосой. Водитель курил у открытой дверцы, стряхивая пепел прямо в снег. Ничего необычного. Но Михаил смотрел на эту машину и чувствовал — что-то не так.

— Что? — спросила Мария.

— Не знаю. Что-то.

— Вы видите то, чего нет?

— Я вижу то, что есть. Просто ещё не понимаю, что именно.

Она подошла ближе. Тоже посмотрела в окно.

— Это скорая из нашей больницы. Обычная. Возит пациентов на процедуры.

— Номер запомните?

— Зачем?

— Просто запомните.

Она пожала плечами, но номер продиктовала — у неё была отличная память на цифры. Михаил запомнил. Он не знал, зачем ему это. Но интуиция — или его новая аномальная способность — подсказывала: обрати внимание. Запомни. Пригодится.

Они развернулись и пошли обратно.

К вечеру приехал Громов. Не один — с Петром и Надей. Они ввалились в палату шумной компанией, принесли с собой запах мороза и мокрых курток. Пётр тут же раскрыл ноутбук, Надя достала папку с бумагами. Громов сел на стул и положил на колени пухлый конверт.

— Ты ходишь, — сказал он вместо приветствия.

— Хожу.

— Значит, готов.

— К чему?

Громов вместо ответа вытащил из конверта фотографии. Разложил на одеяле — прямо у Михаила на коленях.

— Москва-река. Четыре дня назад. Рыбаки нашли пакет у Даниловской набережной.

Михаил взял фотографию. Вакуумный пакет. Профессиональная упаковка — такие используют в медицине для хранения биоматериалов. Внутри — фрагмент человеческого тела. Кисть руки. Женская, судя по тонким пальцам и следу от кольца на безымянном.

— Только кисть?

— Пока только. Но водолазы работают. Думаю, найдут ещё.

Михаил перебрал фотографии. Крупные планы. Разрез — ровный, хирургический. Не рваный, не пиленный — именно разрезанный. Скальпель. Или очень острый нож.

— Медик, — сказал он.

— Мы тоже так подумали. — Громов кивнул. — Патологоанатом, хирург, кто-то с доступом к моргу. Разрез профессиональный. Упаковка медицинского класса. Следов пальцев нет. Вообще никаких.

— Что ещё?

— На тыльной стороне ладони — татуировка. Полумесяц.

Михаил замер. Полумесяц. Символ Звездочёта. Он взял фотографию, поднёс ближе к глазам. Татуировка была старой, выцветшей, явно сделанной не вчера и не год назад. Полумесяц — но не звезда. Не тот символ.

— Это не он, — сказал Михаил тихо.

— Что? — Громов подался вперёд.

— Это не Звездочёт. Татуировка другая. И почерк не его. Звездочёт не работает с фрагментами. Ему нужен символизм. Шахматы. Послания. А это... — Он ещё раз посмотрел на кисть. — Это коллекция. Кто-то собирает части тел как образцы. Холодно. Методично. По-научному.

В палате повисла тишина. Надя и Пётр переглянулись. Громов тяжело вздохнул.

— Я надеялся, что это он, — сказал полковник. — Потому что тогда был бы хоть какой-то след. А так — новый маньяк.

— Не маньяк, — покачал головой Михаил. — Маньяк действует на эмоциях. Этот — на расчёте. Он не получает удовольствия от убийства. Он получает удовольствие от... коллекции. От знания. От обладания.

— Откуда ты знаешь?

— Вижу. — Михаил отложил фотографию. — Разрез ровный, без следов колебаний. Он не спешил. Не нервничал. Он делал это в спокойной обстановке. В морге. Или в операционной. И он точно знал, куда и как резать. Это не просто медик. Это медик с большим опытом. Патологоанатом. Или военный хирург.

Громов почесал подбородок.

— Ладно. Я даю это дело тебе. Неофициально пока. Как будешь на ногах — подключишься полностью. А пока — Пётр и Надя в твоём распоряжении. Работайте отсюда.

— Отсюда — это из больницы?

— Отсюда — это из любой точки, где ты можешь думать. Думать ты можешь. Остальное — приложится.

Громов встал. Тяжело, грузно. Одернул пальто.

— И ещё, — сказал он, уже у двери. — Машину скорой у твоей больницы проверили. Номер, который ты продиктовал Наде.

Михаил напрягся.

— И?

— Ничего. Обычная скорая. Водитель — мужик без биографии. Вozит пациентов. Но... — Громов помедлил. — Мы проверили её маршрут за последний месяц. Три раза она выезжала в район Даниловского рынка. В те дни, когда пропадали люди.

Тишина. Пётр перестал печатать. Надя замерла с ручкой в руке.

— Какие люди? — спросил Михаил.

— Ещё двое. Кроме твоего Корнеева. Оба — сотрудники клининговых компаний. Оба — работали с медицинскими объектами. Оба пропали в районе Даниловского в последние полгода. Я поднял старые дела сегодня утром, когда ты сказал про машину.

Михаил медленно выдохнул. Вот оно. То, что он почувствовал у окна. Не просто интуиция. Его мозг сопоставил факты раньше, чем он сам это осознал.

— Скорая — это связь, — сказал он. — Убийца использует машину скорой помощи для транспортировки. Или для похищений. Или для того и другого.

— Но водитель чист.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.